

На правах рукописи

МЕДВЕДЕВ Виталий Николаевич

**ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Белгород 2021

Работа выполнена на кафедре философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель

Резник Сергей Васильевич, кандидат философских наук, доцент, доцент философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»;

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».

Защита состоится «12» ноября 2021 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета БелГУ.09.02 на базе НИУ «БелГУ» по адресу 308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78, ауд. 23.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» и на сайте НИУ «БелГУ» (<http://www.bsu.edu.ru>).

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат философских наук, доцент

С.В. Резник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Переступив порог XXI столетия можно констатировать, что терроризм по-прежнему остаётся постоянным фактором общественной жизни человеческой цивилизации, а также объектом изучения различных научных отраслей: юриспруденции, психологии, истории, философии и других. Таким образом проблема терроризма и террористического насилия как атрибута современной эпохи остается по-прежнему актуальной, не говоря уже о том, что в наши дни терроризм приобрел глобальный характер.

В нашем исследовании мы обращаемся к религиозному терроризму. Деятельность современных международных террористических организаций исламистского толка подобных «Аль-Каиде», «Талибану», «ИГИЛ»¹ приобрела невиданный в новейшей истории масштаб. Террористические сети и ячейки транснационального глобального исламского терроризма получили ресурсы для осуществления терактов практически в любой точке земного шара.

Появление на мировой авансцене международной террористической организации «ИГИЛ» ознаменовало собой возникновение невиданной по своим масштабам и возможностям организации, которая по своим характеристикам переросла все известные религиозные секты и приобрела черты глобальной антисистемы нового типа. К сказанному следует добавить тот факт, что данная организация сумела заполучить в свое распоряжение как огромные технические ресурсы, так и привлечь в свои ряды огромное число сторонников, причем не только из числа этнических мусульман, но и представителей западной культуры. Данное обстоятельство свидетельствует об актуальности философско-антропологического исследования феномена исламского терроризма.

Кроме того, современный исламский мир не является единым в выборе своих жизненных стратегий и путей взаимоотношения с внешним миром. В современном исламе реализуются различные культурно-идеологические проекты, каждый из которых имеет свои характерные особенности, проявляющиеся в их идеологии и культурно-исторических практиках и оказывает влияние на экзистенциальный выбор и жизненные стратегии их приверженцев. Крах концепции мультикультурализма и усиление процессов транскulturации как генеральной линии развития современных культур и цивилизаций актуализирует рассмотрение исламского терроризма в качестве транскulturного проекта.

Степень разработанности проблемы исследования. Анализ мировоззренческих установок участников террористических сообществ заставил нас обратиться к исследованиям в области психологии. В числе наиболее крупных работ, посвященных исследованию различных аспектов

---

¹ Решением Верховного суда РФ от 29.12.2014 г. «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность которой в РФ запрещена.

психологии терроризма следует отметить, прежде всего, работы отечественных исследователей Ю.М. Антоняна, Д.В. Ольшанского. В работах Ю.М. Антоняна представлена типология мотивов терроризма, и характеристика личности террористов. Мотивация и личность террористов рассматриваются в монографии отечественного психолога Д.В. Ольшанского. Автор отмечает, что террористическое насилие имеет сложную мотивацию, связанную со сложной структурой террористической деятельности.

Исследованию мотивации вступления в террористические организации посвящена работа отечественных ученых А.Ш. Тхостова и К.Г. Сурнова. Авторы делают упор на социально-психологические факторы (бедность, необразованность, безработица, отсутствие жизненных перспектив и пр.) мотивации людей, становящихся членами террористических организаций. Рассмотрению психологических и социально-психологических детерминант терроризма, связанных с мотивацией поведения террористов-смертников, посвящена статья В.А. Соснина.

Отдельного рассмотрения требует проблема влияния религиозных категорий и ментальных установок соответствующей религиозно-культурной среды на мировоззренческие установки и стереотипы поведения террористов-смертников. Один из частных аспектов данной проблематики - проблема воздействия религиозного фатализма на сознание террористов-смертников, мотивированных идеологией исламского терроризма - был рассмотрен в статье отечественного исследователя Чудинова С.И.

О присутствии разрушительного начала в природе человека писали такие философы и психологи как И. Кант, З. Фрейд, Э. Берн, Э. Фромм и др. Особый интерес для нас представляет работа Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности».

Социально-философскому анализу современных антисистемных движений, политическим аспектам тактики и стратегии антисистемных движений посвящены работы Максимова М.А. Исследованию современного радикального исламизма с позиций учения Л.Н. Гумилёва об антисистемах посвящены работы Сулимова С.И., Черниговских И.В., Разиньковой Л.С., Федяй И.В., Кузнецова А.А.

Исследованию антропологии терроризма посвящены работы отечественных авторов Гожева К.М., Михайлова Г.П., Карелина В.М., Римского В.П., Борисова С.Н. В монографии коллектива белгородских философов «Человек террористический: методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы» обосновывается эвристическое преимущество культурно-антропологического подхода к исследованию феномена терроризма. Философско-антропологический анализ «новых войн» и терроризма проводится в работе белгородских исследователей А.В. Артюха и А.В. Борисовского.

Особый интерес у нас вызвали работы в области методологии антропологических исследований, к числу, которых следует отнести, прежде всего работы белгородских ученых В.П. Римского и С.Н. Борисова, посвятивших свои исследования методологическим проблемам культурной антропологии терроризма. В работах белгородских ученых исследуется мифо-архетипическая и религиозно-этническая, культурно-антропологическая и глобализационная специфика современных и постсовременных форм терроризма, отмечается обусловленность их специфики не только и не столько переменами в области политики, но и сакрально-культурными кризисами и ментально-антропологическими поворотами в сознании современного человека.

Проблема определения соотношения между идейными течениями в современном исламе традиционализмом, исламизмом, модернизмом были рассмотрены в работах Игнатенко А.А., Резника С.В.

Внушительное количество число работ, посвященных исследованию проблемы терроризма указывает на актуальность и исследовательскую востребованность данного объекта рассмотрения. Однако следует отметить тот факт, что имеющиеся публикации по теме нашего исследования имеют статейный формат и ограничиваются описанием отдельных феноменов без помещения их в проблемно-исследовательский контекст. Соответственно, очевидна необходимость в специальном, целостном философско-антропологическом анализе феномена исламского терроризма как транскультурного проекта.

Объект диссертационного исследования: *культурно-идеологические проекты в современном исламе.*

Предмет исследования: *транскультурный проект исламского терроризма в философско-антропологическом измерении.*

Цель диссертационной работы: *философско-антропологический анализ транскультурного проекта исламского терроризма.*

Задачи диссертационного исследования:

- выявить мировоззренческие установки и технологии манипуляции в террористических сообществах;
- отметить особенности идеологии современного глобального (транснационального) исламского терроризма;
- исследовать антисистемный характер транскультурного проекта исламского терроризма;
- реконструировать культурно-идеологические проекты в исламе как альтернативу вызовам глобализации;
- выявить действие глобальной антисистемы в лице международного исламского терроризма в культуре модерна;
- исследовать исторические особенности взаимоотношения политики и религии в российском исламе.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретической базой диссертации стал широкий спектр трудов, относящихся к основным

аспектам рассмотрения феномена исламского терроризма. Мы опирались на отдельные работы как отечественных (Ю.М. Антоняна, Д.В. Ольшанского, В.И. Букреева, К.М. Гожева, Т.В. Излученко, Г.П. Михайлова, В.М. Карелина, И.В. Пащенко, В.П. Римского, С.Н. Борисова, С.И. Чудинова), так и зарубежных (Ж. Бодрийяра, П. Боянич, М. Вайса, Фатали М. Мохаддама, М. Сейджмана, В. Страда) исследователей посвященные вопросам психологии, антропологии и метафизики терроризма. При анализе антисистемного характера идеологии современного исламского терроризма и характеристике современных глобальных антисистем мы опирались на работы отечественных исследователей таких как Л.Н. Гумилёв, В.В. Аверьянов, А.А. Данилов, В.П. Римский, М.А. Максимов, С.И. Сулимов, И.В. Черниговских, М.П. Корявцев, А.М. Тараненко, И.В. Федяй, С.В. Филонов. При реконструкции культурно-идеологических проектов в современном исламе мы обращались к работам отечественного исламоведа А.А. Игнатенко. При выявлении основных характеристик транскультурного проекта исламского терроризма мы прежде всего ссылались на работы М.Н. Эпштейна, В. Вельша, М.В. Тлостановой, И.А. Мальковской, О.В. Курбачёвой, в которых всесторонне рассмотрены понятия транскультуры и транскультурации.

Методологический инструментарий исследования обусловлен сложным междисциплинарным характером объекта и предмета диссертационной работы, что определило единый комплекс методологических подходов и принципов: культурно-цивилизационный, диалектический, деятельный и сравнительно-исторический, с опорой на которые проводилось научное исследование. Свое рассмотрение мы основывали на принципах единства исторического и логического, социокультурной и исторической обусловленности культурно-антропологических практик народов культурно-цивилизационного ареала ислама.

В целом, в зависимости от рассматриваемого аспекта феномена исламского терроризма, а также локальных исследовательских задач, нами корректируется методологический инструментарий диссертационной работы, одновременно сохраняя целостность и единство исследовательского повествования. Синтез обозначенных принципов и методов позволил осуществить интегральное исследование транскультурного проекта исламского терроризма в философско-антропологическом измерении.

Научная новизна исследования

1. Выявлены основные мировоззренческие установки и технологии манипуляции в террористических сообществах, позволившие выделить мотивы религиозного терроризма, которые характеризуют его как деструктивную деятельность, имеющую направленность как во вне (на других), так и вовнутрь (на себя).

2. Отмечены особенности идеологии современного глобального (транснационального) исламского терроризма на примере международной террористической организации «ИГИЛ», свидетельствующие о том, что

последняя не вписывается в рамки идеологии обычной религиозной секты и носит антисистемный характер.

3. Исследован антисистемный характер транскультурного проекта исламского терроризма с опорой на пассионарную теорию этногенеза Л.Н. Гумилева и термин «антисистема», что позволило выявить его квазирелигиозную и антисистемную природу.

4. Реконструированы культурно-идеологические проекты в исламе, что позволило выделить специфические черты транскультурного проекта исламского терроризма, характеризующие его как культурно-цивилизационное маргинальное образование, ведущее к деструкции.

5. Глобальная антисистема международного исламского терроризма стала одной из основных причин радикализации ислама в современной Европе, основными характерными чертами которой являются: антисистемная направленность идеологии и практики против вестернизированной культуры; существование в форме квази-религиозного и квази-политического образования; отрицательная идентичность («идентичность вируса»), смысл существования которой заключается в разрушении более сложных систем.

6. Исследованы исторические особенности взаимоотношения политики и религии в российском исламе, что позволило выявить основные версии и конфигурации ислама в России: традиционная (чеченский, дагестанский, татарский и др.) и нетрадиционная (ваххабизм, салафизм, исламизм), которые связаны как с факторами и особенностями религиозно-политического традиционализма, так и экстремизма, и терроризма в России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проведенный анализ мировоззренческих установок участников террористических сообществ позволил выделить мотивы религиозного терроризма: стимулом религиозного терроризма может выступать как убежденность членов террористических организаций в обладании высшей религиозной истиной, так и стремление к возвеличиванию и утверждению своей религии; идеология современных террористических организаций исламистского толка носит апокалиптический характер. Выделенные мотивы религиозного терроризма характеризуют его как деструктивную деятельность, которая может быть направлена как во вне (на других), так и вовнутрь (на себя).

2. Особенности идеологии современного исламского терроризма являются следующие: транснациональный характер современного международного терроризма исламистского толка; агрессивное неприятие духовных ценностей вестернизированного мира; приоритет насильственных методов, включая террористические акты для достижения своих политических целей; широкое использование исламской символики и буквалистское понимание первоисточников исламского вероучения (Корана и Сунны) для утверждения собственной легитимности в среде консервативных мусульман; широкое применение принципа *такфир* (обвинение в неверии) по отношению к своим идеологическим оппонентам,

служащее основанием для легитимации насилия по отношению к мусульманам, не придерживающимся идеологии терроризма; истолкование концепции *джихада* исключительно как вооруженной борьбы за дело веры и как шестого основного столпа веры; идеологическая эксплуатация образа «нового мира» (исламского государства, халифата); активная пропаганда и вовлечение в террористическую деятельность неопитов из числа молодежи (причем не только из числа этнических мусульман).

3. Выявлена квазирелигиозная и антисистемная природа исламского религиозно-политического терроризма и исламистских движений радикального толка, которая ведет к разрушению традиционного исламского культурно-цивилизационного типа. Обращение к антропологии религиозно-политического терроризма позволило выявить специфические черты исламского международного религиозно-политического терроризма: транснациональный характер; использование религиозной риторики для придания осмысленности совершаемой террористами деструктивной деятельности, легитимация несистемного насилия; стремление оправдать насилие традиционной религиозной догматикой.

4. Характерными чертами транскультурного проекта исламского терроризма, отличающими его от традиционалистского и либерального культурно-идеологических проектов ислама, являются отказ от мирных, парламентских способов решения своих политических проблем; жесткое неприятие идеи возможности мирного диалога между религией ислама и другими религиозными конфессиями; отрицание признания полноценными верующими мусульман, проживающих на территории не мусульманских стран; использование идеи исламского универсализма для вовлечения в свои ряды новых адептов из числа не мусульман; антисистемный характер идеологии и практики исламского терроризма. Все это характеризует транскультурный проект исламского терроризма как антисистемное и деструктивное маргинальное новообразование.

5. Радикализация ислама в современной Европе связана с действием глобальной антисистемы международного исламского терроризма, основными характерными чертами которой являются: направленность идеологии и практики современных антисистем против вестернизированных культур; возникновение и существование в форме квази-религиозного образования, отличного от классического ислама и использующего религию для реализации своих политических целей; формирование отрицательной идентичности («идентичность вируса»), смысл существования которой заключается в разрушении сложных систем.

6. В современной России реализуются два вектора и конфигурации развития исламских проектов: 1. традиционный ислам, характеризующийся отказом от каких бы то ни было преобразований ислама, как в сторону его либерализации, так и в сторону «салафизма»; стремлением традиционного исламского духовенства к мирному диалогу со светским государством и сохранению местных обычаев; 2. нетрадиционный ислам (ваххабизм,

салафизм, исламизм), подпитываемый подрывной деятельностью иностранных государств и международных террористических организаций, являющийся одним из главных факторов распространения идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма, создающей предпосылки для возникновения межрелигиозных и межконфессиональных конфликтов.

Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью философско-антропологического исследования феномена исламского терроризма. Значение диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты важны для более углубленного и конструктивного понимания исламского вероучения, в частности социальной концепции ислама. Выводы и положения диссертационной работы намечают перспективы новых исследований исторического прошлого и современного состояния ислама, способствуют пониманию особенностей и характера отношений ислама и политики, роли и места ислама в современном мире, а также позволят моделировать процессы как в глобальном мировом масштабе, так и в контексте России.

Практическая значимость исследования. Материалы исследования могут быть использованы при разработке содержания базовых и специальных курсов философского, религиоведческого и теологического циклов. Содержательные моменты исследования могут найти применение в политических технологиях, в управленческой деятельности властных структур как на федеральном, так и на региональном уровне.

Личный вклад автора диссертационной работы состоит в анализе и систематизации основных мировоззренческих установок и технологий манипуляции в террористических сообществах; выявлении особенностей идеологии современного глобального (транснационального) исламского терроризма; реконструкции культурно-идеологических проектов в исламе как альтернативы вызовам глобализации. В научный оборот введено новое понимание исламского терроризма как транскультурного проекта, в котором раскрывается специфика философско-антропологического и философско-культурологического понимания феномена терроризма.

Личный вклад автора также состоит в актуализации темы, формировании источниковой базы, разработке методологического инструментария, обосновании теоретической и научно-практической значимости работы, а также подготовке публикаций, отражающих ход и результаты исследования философско-антропологического анализа феномена исламского терроризма как транскультурного проекта.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования получили апробацию в форме докладов и сообщений на научно-практических конференциях различного уровня: Всероссийская научно-практическая конференция «Профилактика и противодействие идеологии религиозно-политического терроризма и экстремизма в современной России: проблемы и перспективы» (Белгород, 2017);

Межвузовский круглый стол «Актуальные проблемы философии, политики и права» (Ростов-на-Дону, 2018); Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Профилактика религиозного экстремизма: ценностно-мировоззренческие аспекты», посвящённая 100-летию Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева и 20-летию кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности (г. Орёл, 2019); IX Международная научная конференция «Социология религии в обществе позднего модерна: межконфессиональные, межинституциональные, межкультурные аспекты» (Белгород, 2019); Международная научная конференция «Что такое сообщество? Социальная герменевтика, власть и медиа» (Белгород, 2019); Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие» (Белгород, 2021).

Положения и выводы диссертационной работы в разное время использовались в преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла в ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Диссертационная работа обсуждалась на заседаниях кафедры философии и теологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» и рекомендована к защите.

По теме диссертационной работы опубликовано 7 научных работ общим объемом 2,7 п.л., в том числе 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, а также 1 статья в журнале, входящем в базы данных Web of Science и Scopus.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его объект, предмет, цель и задачи, определяется степень разработанности проблемы, научная новизна и практическая значимость, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертационной работы **«Человек в сетях глобального терроризма: постимпериалистические сценарии»** представлены методологические подходы к изучению феномена исламского терроризма.

В первом параграфе **«Мировоззренческие установки и технологии манипуляции в террористических сообществах»** в результате философско-антропологического осмысления феномена исламского терроризма нами были выделены и проанализированы основные мировоззренческие установки и технологии негативной манипуляции в террористических сообществах.

При анализе мировоззренческих установок участников террористических сообществ мы прежде всего обратились к исследованиям в области психологии. В числе наиболее крупных работ, посвященных исследованию различных аспектов психологии терроризма следует отметить прежде всего, работы отечественных исследователей Ю.М. Антоняна, Д.В. Ольшанского. В работах Ю.М. Антоняна представлена типология мотивов терроризма, и характеристика личности террористов. Отечественный психолог рассматривая мотивацию религиозного терроризма отмечает, что его стимулом может выступать как обладание высшей религиозной истиной, так и стремление к возвеличиванию и утверждению своей религии. Ю.М. Антонян указывает на апокалиптический характер тоталитарных идеологий, коими по сути являются идеологии современных международных террористических организаций исламистского толка. На наш взгляд данная характеристика наиболее присуща современным исламистским террористическим организациям, в особенности международной террористической организации «ИГ» идеология которой была построена на апокалиптических ожиданиях близкого конца света.

Мотивация и личность террористов рассматриваются в монографии отечественного психолога Д.В. Ольшанского. Автор отмечает, что террористическое насилие имеет сложную мотивацию, связанную со сложной структурой террористической деятельности. Осуществляя мотивационный анализ структуры деятельности личности Д.В. Ольшанский приходит к выводу о том, что террорист это «пограничная», аномичная личность. М.Д. Ольшанский выделяет три типа террористов, мы приводим типы личности террористов в несколько схематичном виде, однако отображающем основной смысл предложенной отечественным исследователем классификации: террорист-Герострат (совершающий насилие ради достижения славы или наживы), террорист-революционер (прибегающий к насилию ради переустройства системы), террорист-религиозный фанатик (совершающий насилие в отношении инакомыслящих).

Именно третий тип является важным для нашего исследования. Автор отмечает, что последний тип совершенно особенный, отличающийся как от обычных преступников, так и революционеров.

Террористическая идеология представляет собой технологию негативной манипуляции, которая предлагает своего рода «обходной» путь – террористическая деятельность не отменяет бедности, малограмотности, безработицы, однако она дает ощущение иллюзорной простоты получения власти над более богатыми и образованными. Оппозиция социуму осуществляется через обострение классовых, культурных, религиозных, национальных и этнических противоречий в обществе. Последние также могут создаваться искусственно через массовую негативную идентификацию. Таким образом, негативная идентичность может быть определена как технология разрушения общественных и государственных устоев изнутри, развивающаяся в «менталитетной сфере». Причины, толкающие к такому поведению многообразны: от подсознательного инфантильного стремления уйти от ответственности, до способа разрешения неразрешенных проблем, в любом случае здесь используются технологии *негативных манипуляций* человеком.

Проведенный нами анализ мировоззренческих установок участников террористических сообществ позволил выделить мотивы религиозного терроризма: стимулом религиозного терроризма может выступать как убежденность членов террористических организаций обладанием высшей религиозной истиной, так и стремление к возвеличиванию и утверждению своей религии; идеология современных террористических организаций исламистского толка носит апокалиптический характер, так как построена на эсхатологических ожиданиях близкого конца света, которые подкрепляют уверенность рядовых членов террористических организаций в том, что они приближают своими действиями предначертанные эсхатологическим учением события; убежденность террористов-смертников в том что они жертвуют своей жизнью ради «великой цели», религиозного идеала (сакрализация теракта, как миссии возложенной на его исполнителя Богом).

Следует отметить, что выделенные нами мотивы религиозного терроризма характеризуют его как деструктивную деятельность, которая может быть направлена как вовне (на других), так и вовнутрь (на себя). Одним из действенных способов вовлечения человека в террористическую деятельность являются технологии негативной манипуляции, к числу самых эффективных из них следует отнести феномены «смещения» и расширения символизации. Последние являются действенной технологией манипуляции с целью вовлечения новых членов в террористические организации.

Во втором параграфе **«Антисистемная идеология глобального (транснационального) исламского терроризма»** исследуются особенности идеологии современного исламского терроризма, приобретающего глобальный, транснациональный характер, на примере международной террористической организации «ИГИЛ».

В настоящее время терроризм есть совершенно новый феномен по содержанию и характеру воздействия на развитие общества, не имеющий прямого отношения к государствам и конкретным социальным общностям. В наши дни ключевую роль в нем играют «неформальные сети» - диаспорные, конфессиональные, фундаменталистские, криминальные коалиции. Последние необязательно связаны с каким-либо государством, с этнической или какой-либо иной социальной группой, представляют собой транснациональные криминальные сообщества и социальные «квазисистемы» (исламская, арабская, тюркская), в которых связи и солидарность выстраиваются по особым правилам.

Особенностями идеологии современного исламского терроризма являются следующие: транснациональный характер современного международного терроризма исламистского толка; агрессивное неприятие духовных ценностей западного мира; приоритет насильственных методов, включая террористические акты, в достижении своих политических целей; широкое использование исламской символики и буквалистское понимание первоисточников исламского вероучения (Корана и Сунны) для утверждения собственной легитимности в среде консервативных мусульман; широкое применение принципа *такфир* (обвинение в неверии) по отношению к своим идеологическим оппонентам, служащее основанием для легитимации насилия по отношению к мусульманам, не придерживающимся идеологии терроризма; истолкование концепции *джихада* исключительно как вооруженной борьбы за дело веры и как шестого основного столпа веры; умелая эксплуатация идеологами террористов образа «нового мира» (исламского государства, халифата); активная пропаганда и вовлечение в террористическую деятельность неопитов из числа молодежи (причем не только из числа этнических мусульман). Перечисленные особенности идеологии современного международного терроризма исламистского толка (на примере международной террористической организации «ИГИЛ») свидетельствуют о том, что она не вписывается в рамки идеологии обычной религиозной секты и носит антисистемный характер, что делает ее опасной не только для традиционного ислама как религии и исламского мира, но для всей современной цивилизации.

В третьем параграфе «**Антисистемная глобализация и антропология религиозно-политического терроризма**» предпринимается попытка исследовать антисистемный характер транскультурного проекта исламского терроризма, а также осуществляется философско-антропологический анализ феномена религиозно-политического терроризма.

Глобализация современного мира ведет к активному взаимодействию различных обществ, народов и культур. В условиях невозможности ограничить свои контакты с соседями, кроме естественного обмена (торговля, прозелитизм) имеют место два явления: псевдоморфоза и антисистема. Термин «псевдоморфоза» был введен в научный обиход немецким философом О. Шпенглером в 20-е годы XX в. В качестве примера

исторической псевдоморфозы следует считать все исторические случаи политического и культурного господства зрелых обществ над молодыми народами, которые ещё не успели создать собственные оригинальные формы общественной жизни.

Антисистема представляет собой более сложное явление. Термин был введен в употребление отечественным исследователем Л.Н. Гумилёвым и популяризирован В. Л. Махначем, П. М. Корявцевым и Д. А. Володихиным. Антисистема – это социально-духовная общность людей с негативным мирозерцанием, имеющая общее для своих членов, обычно синкретическое мировоззрение.

Существенным моментом для нашего исследования в определении характеристик антисистемы является то, что последняя *склонна выработать единую объединяющую ее членов мировоззренческую установку на отрицание существующего мира как сложной и многообразной системы во имя устремленных к будущему абстрактных целей*. Именно эта черта антисистемной глобализации проявляется в идеологии и практике международной террористической организации ИГИЛ. Таким образом, *антисистемная глобализация – это не только альтернативный проект глобализации мира по не западным сценариям, но также деструктивный, антисистемный процесс глобализации, в основе которого лежит насилие, террор и экстремизм*.

Термин «антисистемная глобализация» мы используем для обозначения и одновременно выявления сущности транскультурного проекта исламского терроризма, носящего антисистемный характер и выступающего как альтернативный западному глобализационному проекту под знаменем исламистской идеологии целью которого является построение нового исламского халифата. Проведенный нами сравнительный анализ исламского религиозно-политического терроризма и исламистских движений радикального толка с опорой на пассионарную теорию этногенеза Л.Н. Гумилева и термин «антисистема» позволил нам выявить их квазирелигиозную и антисистемную природу, поскольку их деятельность ведет к разрушению ислама как религиозной системы и культурно-цивилизационного типа.

Обращение к антропологии религиозно-политического терроризма позволило нам выявить некоторые специфические черты международного (транснационального) религиозно-политического терроризма под знаменем исламизма. Отличительными чертами современного религиозно-политического терроризма является его международный (транснациональный) характер; использование религиозной риторики для придания осмысленности совершаемой террористами деструктивной деятельности, а тем самым и легитимности совершаемого ими насилия; убежденность религиозно мотивированных участников террористической деятельности в легитимности совершаемого ими насилия и стремление оправдать его доводами религиозной догматики.

Во второй главе диссертационного исследования **«Ислам и терроризм: не западные сценарии цивилизационной глобализации»** рассматриваются культурно-идеологические проекты, реализуемые в современном исламе, причины радикализации ислама в современной Европе, а также исторические особенности взаимоотношения религии и политики в российском исламе на современном этапе.

В первом параграфе **«Культурно-идеологические проекты в исламе как альтернатива вызовам глобализации»** предпринимается попытка реконструировать культурно-идеологические проекты, реализуемые в современном исламе, в том числе транскультурный проект исламского терроризма, а также их выражение в культурно-антропологических практиках.

Современный исламский мир не является единым в выборе своих жизненных стратегий и путей взаимоотношения с внешним миром. В современном исламе реализуются различные культурно-идеологические проекты: традиционалистский, либеральный (модернизаторский) и транскультурный проект исламского терроризма. Каждый из перечисленных культурно-идеологических проектов имеет свои характерные особенности, проявляющиеся в их идеологии и культурно-исторических практиках и оказывает влияние на экзистенциальный выбор и жизненные стратегии их приверженцев.

К характерным чертам традиционалистского культурно-идеологического проекта относится отказ от каких-либо реформ в религиозной и общественной сферах. Следует отметить, что современные приверженцы традиционализма не делают уклон на ультраконсервативные позиции, что в определенной мере свидетельствует об их близости к сторонникам исламского модернизма, в том числе в вопросах толкования священных текстов ислама. Сторонники неотрадиционализма являются носителями умеренных политических взглядов, что говорит об их открытости к конструктивному диалогу со светскими политическими режимами.

Либеральный (модернизаторский) культурно-идеологический проект ислама рассматривается его сторонниками как компромисс между строгими религиозными канонами и ценностями демократического общества. В основе реализации данного проекта лежит идея приспособления религии ислама к так называемым общечеловеческим ценностям и социальным институтам, сложившимся в западной культуре, таких как парламентаризм, многопартийность, права и свободы индивида, идеологический плюрализм, трансформация ислама как идеологии, мобилизующей граждан на реализацию формально-демократических институтов. Данный культурно-идеологический проект характерен прежде всего для мусульман, проживающих на Западе.

Третьим культурно-идеологическим проектом, реализуемым в современном исламе, является транскультурный проект исламского

терроризма. Характерными чертами данного культурно-идеологического проекта, отличающими его от уже перечисленных, являются следующие: агрессивное неприятие европейско-христианских духовных ценностей, повышенная политическая активность, готовность прибегнуть к насильственным методам, включая террористические, в том числе в решении политических вопросов, неприятие идеи мирного диалога с идеологическими оппонентами, воинственный прозелитизм, отрицание легитимности светских политических режимов, продвижение идеи тотального джихада с целью «очищения ислама».

На сегодняшний день одним из ключевых понятий, а также моделей альтернативным понятию *мультикультурализма*, является *«транскультурация»*, которая представляет собой транскультурную модель мира и альтернативой мультикультурной этики. Транскультурация есть нечто большее, чем переход от одной культуры к другой, и она не сводима только к аккультурации (приобретение другой культуры) или декультурации (потере и искоренению предыдущей культуры). Транскультурация зачастую являлась результатом колониальной агрессии, а также стремления коренных народов сохранить собственную идентичность в постколониальный период. Транскультурация охватывает все стороны жизни общества: войны, этические конфликты, расизм, мультикультурализм, межрасовые браки и другие явления, затрагивающие более чем одну культуру.

По мнению немецкого философа В. Вельша транскультурность существует не только на уровне общества, но и на уровне индивида. То есть с данной точки зрения в современном мире все люди в разной степени транскультурны, потому что сложилась ситуация, когда относить себя к единственной культурной группе уже невозможно и нет в этом необходимости. При таком подходе можно сказать, что транскультурность является синонимом глобализации. В этом смысле транскультурным является каждый из перечисленных нами выше культурно-идеологических проектов, реализуемых в современном исламе. В исламе отсутствует разделение по национальному, языковому, идеологическому, страновому и ценностному признакам. Преодолевая все эти культурные различия ислам являет собой транскультурный, альтерглобалистский проект. Каждый из культурно-идеологических проектов ислама имеет свои характерные особенности, проявляющиеся в их идеологии и культурно-исторических практиках и оказывает влияние на экзистенциальный выбор и жизненные стратегии их приверженцев.

Во втором параграфе **«Исламизация Европы и радикализация ислама: антисистемы в культуре модерна»** рассматривается процесс проникновения религии ислама в Европу в исторической ретроспективе, а также причины распространения радикальных идей среди европейских мусульман.

В конце XX – начале XXI вв., как религия ислама, так и сами мусульмане стали значимым фактором в жизни европейских стран. Это

подтверждается не только количественным приростом мусульманского населения, но тем фактом, что большинство из мусульман являются гражданами стран Евросоюза. Можно утверждать, что ислам стал одним из актуальнейших вопросов современной Европы. Предположения европейских политиков о том, что индивидуальное стремление к благосостоянию и самореализации подтолкнет иммигрантов-мусульман к интеграции и восприятию западноевропейской системы ценностей, не оправдались. Напротив, в среде иммигрантов-мусульман как первого, так и последующих поколений усилилась тенденция к культурной самоизоляции. Поиск причин препятствующих ассимиляции мусульман только в сфере экономики является слишком поверхностным. Теория мультикультурализма и концепция интеграции мусульман в европейское сообщество не оправдала ожиданий. Это подтверждают как заявления западноевропейских лидеров (А. Меркель, Д. Кэмерон, Н. Саркози), так и события в современной Европе.

Одной из причин усиления позиций радикального ислама в современной Европе является действие глобальной антисистемы в лице международного исламского терроризма. Как на Западе, так и в сердце исламского мира (Сирия, Ирак) действует глобальная антисистема в лице международной террористической организации «ИГИЛ» и близких ей по идеологии террористических организаций, которые по своей сути представляют квази-религиозные образования, имеющие мало общего с классическим исламом и использующих религию для реализации своих политических целей.

Гумилёвские понятия антисистемы и химеры как нельзя лучше подходят для описания данного террористического псевдогосударственного образования. Социальная структура международной террористической организации «ИГИЛ» в Сирии и Ираке, а также аналогичных террористических структур в других странах мусульманского мира сравнима с описанной Л.Н. Гумилевым химерой Хазарского каганата. Лидеры самопровозглашенного халифата подчиняются управлению из других государств, а основная масса рекрутов состоит из представителей различных народов, которые порвали со своими традициями.

Основными характерными чертами глобальной антисистемы в лице международного исламского терроризма являются следующие: направленность идеологии и практики современных антисистем против конкретной культуры, в данном случае западной; возникновение и существование в форме квази-религиозного образования, не имеющего ничего общего с классическим исламом и использующего религию для реализации своих политических целей; формирование отрицательной идентичности (идентичности вируса), смысл существования которой заключается в разрушении более совершенных систем.

В третьем параграфе **«Исторические особенности взаимоотношения политики и религии в российском исламе»** рассматривается феномен российского ислама, а также особенности традиционного ислама в России,

которые оказывают существенное влияние на взаимоотношение религии и политики.

В новейшей истории ислама в России сложилось по крайней мере два вектора направления развития данной религии: традиционный (татарский, башкирский, чеченский и т.д.) ислам, являющийся частью многовековой этнической культуры данных народов, сторонники которого поддерживают российскую государственность, и нетрадиционный (ваххабизм, салафизм, исламизм) ислам, ассоциирующийся с религиозным радикализмом и экстремизмом.

Само понятие «традиционный ислам» в России в большей степени является не богословским, а политическим. Данное понятие призвано помочь властным структурам государства дифференцировать мусульман на сторонников мирного диалога со светским государством и выступающих за сохранение местных обычаев. Нетрадиционный ислам в лице ваххабитов, салафитов является ярким противником идеи о том, что мусульмане могут быть гражданами светского государства, а также привнесения местных обычаев (адат) в ислам.

Одной из отличительных особенностей религиозно-политического экстремизма и терроризма в России является тот факт, что идеология религиозно-политического экстремизма и терроризма во многих регионах традиционного распространения ислама в России (Северный Кавказа, Татарстан, Башкортостан, Поволжье, Мордовия, Нижегородская область и др.) начала распространяться при активном влиянии из-за рубежа. Именно благодаря действию иностранных эмиссаров практически во всех регионах компактного проживания мусульман в Российской Федерации существуют предпосылки для возникновения межрелигиозных и межконфессиональных конфликтов.

В современной России реализуется именно традиционалистский культурно-идеологический проект ислама (отличающийся от других культурно-идеологических проектов, которые действуют в современном исламе) как сравнительного молодого либерального («евроислама»), реализуемого в современной Европе, так и террористического, являющегося по сути религиозно-сектантским, антисистемным проектом, направленным на разрушение современной культуры и цивилизации.

Все перечисленные характеристики традиционного ислама в России оказывают влияние на взаимодействие религии и политики. Характерными чертами такой взаимосвязи являются лояльность мусульман России по отношению к государству, соблюдение Конституции РФ; активное участие мусульман в общественной жизни, а также в политической и общественной деятельности страны; мирные, добрососедские отношения российских мусульман с представителями других традиционных для России вероисповеданий. Следует отметить, что данные особенности отражены в программном документе «Социальная доктрина российских мусульман»,

подписанном верховным муфтием России и председателями духовных управлений мусульман.

В **Заключении** сформулированы основные выводы и результаты диссертационной работы, определены перспективы дальнейшего исследования философско-антропологической и философско-культурологической тематики, обозначенной в работе (прежде всего, особенностей феномена исламского транснационального терроризма, а также эволюции культурно-идеологических проектов, реализуемых в современном исламе как культурно-цивилизационной системе).

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях автора**:

В изданиях, индексируемых в Scopus

1. Vitaly Medvedev, Dmitryi Mikhailov, Viktoriya Osmakova, Vitaly Penskoj, Roman Shilishpanov The study of religious destruction in pre-revolution Russia: formation of methodology // International Journal of Psychosocial Rehabilitation, Vol. 24, Issue 04, 2020 ISSN: 1475-7192 (0,6 / 0,12 п.л.).

В журналах из списка ВАК

2. Медведев В.Н. Идеология религиозно-политического экстремизма: формирование негативной идентичности и практики субъективации в террористических сообществах // 2019. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 252–261. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-252-261 (в соавт.) (0,5/0,16 п.л.).

3. Медведев В.Н. Радикальный ислам в современной Европе: антисистемы в структуре постмодерна // **НОМОТНЕТИКА**. Серия: Философия. Социология. Право. 2021. Том 46. № 2. С. 321-328. (в соавт.) (0,25/0,125 п.л.)

4. Медведев В.Н. Антисистемная глобализация и антропология религиозно-политического терроризма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Выпуск 1(37) март 2021. – С. 126-134. DOI 10.22405/2304-4772-2021-1-1 (0,25 п.л.)

В других научных сборниках и журналах

5. Медведев В.Н. Антисистемная идеология глобального (транснационального) терроризма / Профилактика и противодействие идеологии религиозно-политического терроризма и экстремизма в современной России: проблемы и перспективы: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. НИУ «БелГУ», 15 июня 2017 года / под ред. Т.И. Липич, С.В. Резника. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – 100 с. – С. 93-97. ISBN 978-5-9571-2465-8 (в соавт.) (0,25/0,125 п.л.)

6. Медведев В.Н. Идеология глобального (транснационального) терроризма (на примере международной террористической организации «Исламское государство») // Вестник Национального антитеррористического комитета. № 1 (18). 2018. – С. 78-85. (0,6 п.л.).

7. Медведев В.Н. Мировоззренческие установки и технологии манипуляции в террористических сообществах / Сб. ст. по материалам Всероссийской конференции Профилактика религиозного экстремизма: ценностно-мировоззренческие аспекты: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (24 – 25 октября 2019 г., г. Орёл) / под редакцией кандидата педагогических наук, доцента Т. Г. Человенко. – Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. ISBN 978-5-9929-0914-2 – С. 80-85. (в соавт.) (0,25/0,125 п.л.).